

Роль Ближнего Востока в формировании внешнеполитических ориентиров Японии в послевоенный период

Анна С. Бушуева

*Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД
Российской Федерации, Москва, Россия,
bushueva.a.s@my.mgimo.ru*

Аннотация. Цель данного исследования состоит в определении ориентиров Японии на международной арене и роли Ближнего Востока во внешней политике Японии в послевоенный период. Актуальность темы обусловлена современными трендами во внешней политике Японии, когда ее дипломатия в регионе становится более проактивной, что обусловлено энергоресурсной значимостью Ближнего Востока, что, как следствие, порождает конкуренцию среди стран за геополитическое влияние; Токио одновременно позиционирует себя как проводник «западных ценностей» в регионе, следуя в фарватере Вашингтона в ближневосточном регионе, и как страна Востока. При этом особенности процесса принятия решений внутри самой Японии делают ее политику «неповоротливой», лишая ее динамики в крайне конфликтном регионе, где ситуация стремительно меняется.

В данной статье представлено теоретическое обоснование внешнеполитического курса Японии, выбора ее приоритетов и определена роль Ближнего Востока в данной стратегии.

Ключевые слова: внешняя политика Японии, японо-ближневосточные отношения, японо-американский альянс безопасности, энергетическая безопасность

Для цитирования: Бушуева А.С. Роль Ближнего Востока в формировании внешнеполитических ориентиров Японии в послевоенный период // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 53–73. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-53-73

The role of the Middle East in the shaping of Japan's foreign policy in the postwar period

Anna S. Bushueva

MGIMO University, Moscow, Russia, bushueva.a.s@my.mgimo.ru

Abstract. The purpose of this study is to determine Japan's guidelines in the international arena and the role of the Middle East in Japan's foreign policy in the postwar period. The relevance of the topic is conditioned by the current trends in Japan's foreign policy, when its diplomacy in the region becomes more proactive due to the energy and resource importance of the Middle East, which, as a consequence, generates competition among the countries for geopolitical influence. On the one hand, Tokyo positions itself as a promoter of "Western values" in the region, following Washington's path in the Middle East region, and, on the other, as a country of the East. At the same time, the peculiarities of the decision-making process inside Japan itself make its policy "sluggish", depriving it of dynamics in a highly conflict-prone region, where the situation is rapidly changing.

The article presents a theoretical foundation of Japan's foreign policy course, substantiates the choice of its priorities and defines the role of the Middle East in this strategy.

Keywords: Japan's foreign policy, Japan-Middle East relations, Japan-U.S. security alliance, energy security

For citation: Bushueva, A.S. (2025), "The role of the Middle East in the shaping of Japan's foreign policy in the postwar period", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 53–73, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-53-73

Введение

После поражения во Второй мировой войне Япония вынужденно оказалась в условиях необходимости пересмотра своих стратегических приоритетов, обусловленных как внутренними, так и внешними факторами. На фоне утраты военной мощи, оккупации Соединенными Штатами и попыток интегрироваться в новую систему международных отношений Япония сосредоточилась на экономическом восстановлении и поисках политического равновесия. Ведущая роль США как «гаранта» японской безопасности и суверенитета оказывала существенное влияние на выбор Японией внешнеполитических приоритетов. В первые послевоенные годы

был сделан акцент на восстановление отношений со странами-соседами, пострадавшими от японского милитаризма; и только экстенсивный экономический рост и, в связи с этим, растущая потребность в энергоресурсах являлись единственным связующим звеном между Японией и странами региона Ближнего Востока¹. Смена парадигмы произошла в 1973 г., когда Организация арабских стран-экспортеров (ОАПЕК) ввела нефтяное эмбарго по итогам арабо-израильской войны Судного дня. Кризис, который последовал за этим событием, серьезно затронул японскую экономику, что побудило правительство Японии пересмотреть приоритеты в отношениях с Ближним Востоком. С тех пор наметилась тенденция на выстраивание «качественных» отношений с регионом одновременно с курсом на снижение зависимости от энергоресурсов, в том числе и помощи Токио в переходе экономик стран-нефтеэкспортеров на более высокотехнологичный уровень. Речь идет в том числе о «зеленой энергетике», в развитии которой Япония стала абсолютным лидером.

Помимо объективных ограничений – невозможность оказать военную поддержку странам и союзникам в конфликтогенном регионе – существовали и субъективные. В частности, речь идет об особенностях японского внешнеполитического процесса, достаточного «неповоротливого» и лишённого возможности оперативного реагирования.

Таким образом, *цель* данного исследования состоит в обосновании выбора Японией стратегии в отношении региона Ближнего Востока и оценки его роли во внешней политике страны в послевоенный период с учетом ее внешнеполитических ориентиров и особенностей принятия внешнеполитических решений.

Актуальность статьи обусловлена трендами последних двух десятилетий во внешней политике Японии, направленных на пересмотр подходов к ближневосточному региону параллельно с переживаемыми им геополитическими трансформациями. В частности,

¹ Министерством иностранных дел Японии понятие «Ближний Восток» определяется как регион, который включает в себя 16 государств: Афганистан, Бахрейн, Исламскую Республику Иран, Ирак, Израиль, Иорданию, Кувейт, Ливан, Оман, Катар, Саудовскую Аравию, Сирийскую Арабскую Республику, Турцию, Объединенные Арабские Эмираты, Йеменскую Республику. На сегодняшний день Саудовская Аравия и ОАЭ являются основными поставщиками нефти в Японию. В разные периоды после войны страна активно импортировала из Ирана (до Исламской революции 1979 г.). Другими ключевыми странами также являются Кувейт, Катар и Оман.

энергетический интерес к Ближнему Востоку продолжает требовать от Токио более гибкого подхода, как это было во времена нефтяных «шоков» 1970-х гг., кризиса в Персидском заливе 1990–1991 гг. и продолжающихся по сей день арабо-израильских войн. Пересмотру стратегии также способствует необходимость для Японии балансировать между своим стратегическим союзником США и своими национальными интересами (как, к примеру, в случае с Ираном), а также изменение международно-политического контекста (выход на «ближневосточную авансцену» КНР).

При этом эволюция ближневосточной политики Японии по-прежнему мало изучена в отечественной науке.

В своем исследовании автор руководствуется прежде всего принципом (или методом) историзма. Из вспомогательных методов используются общенаучные (индуктивный, от частного к общему) и частнонаучные, применяемые к историческим исследованиям. Это, прежде всего, историко-системный, позволяющий проанализировать развитие ближневосточной политики Японии с точки зрения системы факторов (внешних и внутренних), на них влияющих.

Формирование внешнеполитических ориентиров в послевоенный период и особенности принятия внешнеполитических решений в Японии

В августе 1945 г. Япония впервые в своей истории была оккупирована внешними силами. Страна вернулась к границам, оформившимся в годы реставрации Мейдзи, а большинство крупных городов были в значительной степени разрушены. Кроме того, Японию ожидала оккупация союзными войсками и переформатирование не только государственного устройства, но и общественных ценностей.

Как пишет профессор и бывший дипломат К. Того, японский народ в своем большинстве не стал рефлексировать по поводу своего прошлого и сожалеть о конце эпохи – скорее, он погрузился в пустоту, из которой он возродился, с интуитивным ощущением новой реальности. Так возникли новые ценности, на которых строилось послевоенное японское общество: пацифизм (мир как высшая ценность), демократия (свобода от жесткого социального контроля) и важность института Императора (символ единства, культурной преемственности и сохранения традиций). Четвертым элементом нового «фундамента», который проявился уже позднее, стала концентрация на послевоенном восстановлении и экономическом развитии [Togo 2005, pp. 31–35].

Все эти ценности, а также результаты, по большей части, американского управления, сформировали внутреннюю и внешнюю политику Японии, когда после подписания Сан-Францисского мирного договора в 1951 г. страна вернулась на мировую арену в качестве полноценного субъекта международных отношений.

Одновременно с этим на неопределенный срок подписывается японо-американский договор безопасности, который фактически обозначил контуры военно-политического союза между двумя странами².

Несмотря на очевидный консенсус по поводу проамериканской ориентации, о котором пишет К. Того (в частности, конвергенция ценностей двух стран и успех «гибкого» оккупационного управления США), внутри страны наблюдалась поляризация политических сил, однако вскоре сложилась уникальная и жизнеспособная партийно-политическая модель с доминирующей Либерально-демократической партией (ЛДПЯ), именуемая впоследствии «системой 1955 года».

В 1960 г. был заключен новый Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности. В отличие от пакта 1951 г., который фактически носил бессрочный характер³, новый заключался на срок до 10 лет, по истечении которых любая из сторон могла выйти из него, за год уведомив об этом другую сторону⁴.

Так проамериканский вектор стал фундаментом японской внешней политики на многие десятилетия вперед. В первой половине 80-х гг. XX в. этот курс внешней политики с подачи японского политолога М. Нисихара получил название «доктрина Ёсида»

² 日本国とアメリカ合衆国との間の相互協力及び安全保障条約 [Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией] // Министерство иностранных дел Японии. 19.01.1960. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/usa/hosho/pdfs/jyoyaku.pdf> (дата обращения 11.11.2024).

³ В статье 4 соответствующего договора говорилось лишь об условиях прекращения его действия, в частности, когда «вступят в силу меры ООН, достаточные для поддержания международного мира и безопасности вокруг Японии» или стороны придут к выводу, что поддержание безопасности и мира в Японии возможно иным путем. URL: <https://worldjpn.net/documents/texts/docs/19510908.T2J.html> (дата обращения 11.11.2024).

⁴ 日本国とアメリカ合衆国との間の相互協力及び安全保障条約 [Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией] // Министерство иностранных дел Японии. 19.01.1960. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/usa/hosho/pdfs/jyoyaku.pdf> (дата обращения 11.11.2024).

[Наканиси 2003, с. 124–126] в честь ее идеолога, премьер-министра С. Ёсида (1946–1947 гг. и 1948–1954 гг.). «Доктрина Ёсида» – это теоретическая концепция, как ее охарактеризовал профессор Х. Хосиро, которая заключалась в использовании Японией той реальности в сфере безопасности, которая сложилась благодаря союзу с США, для минимизации собственных оборонных расходов (на уровне 1% ВВП) и инвестиций в экономический рост и развитие [Hoshiro 2022, pp. 105–128].

В 1967 г. Э. Сато дополнил доктрину «три неядерными принципами»: «не иметь», «не производить», «не ввозить»⁵. Позже «три неядерных принципа» вошли в так называемую «ядерную политику, состоящую из четырех направлений» (核四政策 <какуюёнсэйсаку>), куда были добавлены стремление к ядерному разоружению и искоренению ядерного оружия, опора на мощь ядерного сдерживания США, а также развитие «мирного атома»⁶.

Кроме того, в 1960-х гг. Япония обращает свое внимание на богатый дешевой нефтью Ближний Восток. Переориентация на нефть и адаптация зарубежных технологий позволили Японии развивать малые сектора экономики, в довоенный период служившие основой индустриализации (текстиль, машиностроение, т. д.), а необходимость в импорте энергоресурсов и экспорте готовой продукции привела к развитию смежных отраслей, в частности судостроения. Высокая трудоемкость новых отраслей окупилась высокой конкурентоспособностью японской продукции на мировых рынках [Sinha 1974, p. 336], и неслучайно нефть называют одним из столпов японского экономического чуда [Sugihara 1993, p. 4–5].

Так, уже к началу 1970-х гг. более 70% «черного золота» поступало в Японию с Ближнего Востока⁷, поэтому нефтяной кризис 1973 г., вызванный арабо-израильским конфликтом, заставил

⁵ Three non-nuclear principles. Statement by prime minister Eisaku Sato at the Budget Committee in the House of Representative // MOFA Japan. 11.12.1967. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (дата обращения 27.02.2023).

⁶ 非核三原則と核密約論議 [Три неядерных принципа и секретные ядерные соглашения] // Палата советников парламента Японии. URL: https://www.sangiin.go.jp/japanese/annai/chousa/rippou_chousa/backnumber/2010pdf/20101001101.pdf (дата обращения 25.02.2023).

⁷ При этом большая часть поставок нефти осуществлялась через «Семь сестер» – так с подачи бизнесмена Энрико Маттеи был назван консорциум из крупных англосаксонских нефтяных компаний: три крупнейшие Shell, Anglo-Persian Oil Company, Standard oil of California и другие.

Японию переосмыслить свою политику в регионе⁸. Токио занимает проарабскую позицию (в том числе в ООН), противоположную американской, с целью обеспечения стабильных поставок энерго-ресурсов. С 1975 г. Токио расширяет сферу охвата ОПР и начинает оказывать экономическую поддержку странам Ближнего Востока⁹. Кроме того, японская сторона в конце 1970-х – начале 1980-х гг. по-своему старается поддерживать мирные инициативы в регионе, стать посредником в урегулировании ближневосточного конфликта при поддержке Организации освобождения Палестины (ООП), однако местами сталкивается с «дилеммой» на фоне вынужденно двойственного подхода, где на одной чаше весов тесный союз с США, а на другой – энергетическая безопасность страны.

Самым непростым периодом для Японии стала холодная война – прежде всего в контексте ее отношений с Соединенными Штатами. С исчезновением с политической карты мира Советского союза японо-американский альянс, казалось бы, утратил свою *causa essendi*. Нельзя не учитывать и уход из жизни в 1989 г. императора Хирохито, взошедшего на трон в 1926 г., и единственного монарха, известного подавляющему большинству японцев, а также символа послевоенной трансформации Японии. Более того, на этом этапе Токио ждал кризис в Персидском заливе (1990–1991 гг.), который впоследствии был назван крупнейшим «дипломатическим провалом» из-за катастрофической недооценки усилий Японии по помощи Кувейту. Таким образом, все указывало на то, что Япония, как субъект международных отношений, нуждается в переменах. Однако вопрос был, в каких именно.

Прослеживая внешнюю политику Японии в послевоенный период, можно сделать вывод, что ее основой был японо-американский союз безопасности и укрепление международного авторитета на базе пацифистской риторики и экономических возможностей. При этом Токио готов был отклониться от проамериканского курса, если на кону стояли национальные интересы – как это было в случае с Ближним Востоком.

⁸ Кроме того, к этому времени подходил к концу процесс деколонизации стран Ближнего Востока, пусть это и не означало окончание внешнего вмешательства и освобождение от зависимости. Однако арабские страны быстро осознали, что могут использовать нефть как инструмент давления на своих «патронов», тем самым пытаясь лавировать для достижения собственных выгод.

⁹ History of official development assistance // MOFA Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/summary/1994/1.html#1> (дата обращения 01.02.2025).

Кроме того, на первый взгляд кажется, что взаимодействие Японии с внешним миром было в основном детерминировано внешним давлением (外圧 <гайацу>) со стороны США, которое, в свою очередь, было обусловлено парадигмой оккупационного прошлого и затем американо-советского противостояния. Тем не менее, «односторонняя» характеристика японского внешнеполитического процесса (как, возможно, и любого другого) представляется ошибочной: в то время, как международная обстановка очерчивает контуры внешней политики, ее основу все же составляют внутренние факторы. В частности, во внешнеполитическом уравнении существуют такие переменные, как государственные деятели, ответственные за принятие решений; группы, интересы которых они представляют; взаимоотношения между законодательной и исполнительной ветвями власти; общий бюрократический фон и т. д.

Особенности процесса принятия внешнеполитических решений в Японии

До 1980 г. участие в формировании внешней политики Японии принимало ограниченное число ведомств и министерств: Министерство иностранных дел, Управление национальной обороны Японии (с 2007 г. Министерство обороны), Министерство международной торговли и промышленности (с 2001 г. Министерство экономики, торговли и промышленности), Министерство финансов, Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла (до 1978 г. Министерство сельского и лесного хозяйства), а также Агентство экономического планирования. Когда в 1980-х гг. произошла «интернационализация» японской экономики, к внешнеполитическому процессу одними из первых подключились Министерство почты и телекоммуникаций (в 2001 г. вошло в Министерство внутренних дел и коммуникаций), Министерство транспорта (с 2001 г. вошло в Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии) и т. д. [Ahn 1998, p. 42] Формально головным ведомством в сфере внешней политики выступает Министерство иностранных дел, внутри которого наблюдается секционализм. Как пишет японский исследователь И. Кавабэ, самой влиятельной «школой» в послевоенный период была американская, «участники» которой проходили полноценное обучение языку и культуре в Соединенных Штатах. И. Кавабэ называет этих «проамериканских бюрократов» стержнем японо-американского альянса [Кавабэ 2002, с. 42–43].

Глава МИД¹⁰, в свою очередь, выполняет роль главного советника премьер-министра по дипломатическим вопросам. Из-за характерных для политической культуры Японии частых (в основном ежегодных) перестановок в кабинете, министр не успевает набраться опыта и выработать долгосрочную внешнеполитическую стратегию¹¹.

Кроме того, неслучайно профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол А.Н. Панов отмечает, что весь процесс от разработки до принятия того или иного внешнеполитического решения идет «снизу вверх» (稟議 <ринги>). Это также соотносится с практикой бюрократов низшего звена следовать выработанной годами политики министерства, с твердой опорой на имеющиеся прецеденты. С одной стороны это обеспечивает стабильность японской дипломатии, а с другой – затрудняет адаптацию к динамично меняющейся глобальной среде.

В действительности МИД не обладает монополией на принятие решений, и в зависимости от контекста на первый план могут выходить профильные ведомства. Нередко это приводит к конфликту интересов и межведомственным распрям, например в вопросах внешнеэкономической деятельности [Стрельцов 2010, с. 249]. Более того, это также поднимает вопрос о координации между полуавтономными ведомствами и эффективности работы правительства в целом.

Здесь же стоит подчеркнуть и механизмы власти в Японии. Один из них – это «железный треугольник» или тесная «спайка» между политиками, бюрократами и бизнесом. Свое внешнее оформление она получила во времена «системы 1955-го года». Как отмечает исследователь К. Шмидт, субъекты за пределами этой «пирамиды» ограничены в инструментах воздействия на политическую систему и процесс принятия решений. При этом внутреннее соотношение сил непостоянно и может меняться [Schmidt 2005, p. 50].

Отдельно стоит отметить роль премьер-министра, который во внешнеполитической сфере формально обладает широкими полномочиями, но с многочисленными неформальными ограничениями. В основном глава правительства занимается поддержанием

¹⁰ Необходимо подчеркнуть, что министр иностранных дел и его парламентские заместители (фукудайзин) являются политиками, но не чиновниками.

¹¹ Лишь немногим удалось «поломать» эту тенденцию – Охирэ Ма-саёси (1962–1964 гг. и 1972–1974 гг.), Абэ Синтаро (1982–1986 гг.), Коно Ёхэй (1994–1996 гг. и 1999–2001 гг.), Кисида Фумио (2012–2017 гг.) и Хаяси Ёсимаса (2021–2024 гг.).

«хрупкого баланса» между идеологически диверсифицированными фракциями в правящей партии и многочисленными группами, представляющими различные интересы. Таким образом, деятельность премьер-министра как лидера в большинстве случаев носит реактивный, а не инициативный характер. Впрочем, в вопросах внешней политики, где обычно меньше «заинтересованных сторон»¹², у японского премьер-министра шире возможности для маневра. Тем не менее таких амбициозных лидеров послевоенная история Японии знала не так много: ими были, к примеру, С. Ёсида (подписание первого договора с США и формулирование своей доктрины), Д. Коидзуми («война с терроризмом» и реализация полувоенных операций Сил самообороны на Ближнем Востоке в 2000-х гг.), т. д.

В 2001 г. в рамках реформы центрального правительства (中央省庁再編 [*тю:о:сё:тё:сайхэн*])¹³ была учреждена Канцелярия кабинета министров (内閣府 [*найкакүфу*]), которая стала центральным органом исполнительной власти Японии и связующим звеном между министерствами (были даже учреждены должности министров по специальным поручениям (特命担当大臣 <*токурэйтанто:дайджин*>) для работы по тем вопросам, которые, по мнению премьер-министра, требуют межведомственной координации). Кроме того, реформа позволила Секретариату кабинета министров (内閣官房 <*найкакүкамбо:*>) брать на себя ведущую роль в подготовке и координации «важной политики» (重要政策 <*дзю:ё:сэйсаку*>).

В качестве показательного примера «слаженности» работы политического и бюрократического аппаратов можно привести принятие «антитеррористического пакета» кабинетом Д. Коидзуми на фоне теракта 9/11 в США всего за 25 дней. Тогда офису премьер-министра (官邸 <*кантэй*>) удалось полностью взять под контроль ситуацию. Безусловно, нельзя отрицать и личностный фактор самого Д. Коидзуми [Zakowski, Vochoroducz, Socha 2018, pp. 38–39].

В 2013 г. по инициативе премьер-министра С. Абэ был создан Совет национальной безопасности (国家安全保障会議 <*коккаандзэнхосё:кайги*>)¹⁴. Как бы то ни было, реформы лишь косвенно

¹² Во внутренней политике, в частности, стоит вопрос о распределении общественных благ. Более того, дипломатические инициативы не влияли на настроения электората в избирательных округах политиков.

¹³ 中央省庁等改革基本法 [Закон о реформе центрального правительства] // Электронная законодательная база. URL: <https://elaws.e-gov.jp/document?lawid=410AC000000103> (дата обращения 02.03.2024).

¹⁴ 中央省庁等改革基本法 [Закон о реформе центрального правительства] // Электронная законодательная база. URL: <https://elaws.e-gov.jp/document?lawid=410AC000000103> (дата обращения 02.02.2024).

улучшили положение премьер-министра, помогая ему обойти некоторые этапы внутривластного процесса принятия решений, в то время как глава правительства по-прежнему вынужден балансировать между различными «игроками», обладающими правом вето [Zakowski, Bochorodycz, Socha 2018, pp. 40–41].

Позиция Японии по Ближнему Востоку

Япония и Ближний Восток ввиду объективной отдаленности друг от друга практически не взаимодействовали¹⁵, и так продолжалось вплоть до XX в. После победы Японии в русско-японской войне 1904–1905 гг. о ней заговорили не только в Азии, но и на Ближнем Востоке – ее триумф стал символом победы «угнетенных народов Востока» над Западом. Даже в ближневосточных колониях шла речь о мессианской роли Японии как «спасительнице ислама» перед лицом западного империализма. Более того, военный успех, который также увязывали с достижениями японской реставрации (модернизации) императора Мэйдзи, стал вдохновителем Конституционной революции в Иране (1906 г.) [Naag-Niguchi 1996, p. 78] и Младотурецкой революции в Турции (1908 г.), где младотурки провозглашали превращение Турции в «ближневосточную Японию» [Worringer 2004, p. 215]. Даже если образ Японии как освободителя был преувеличен, нельзя отрицать тот факт, что у страны не было колоний на Ближнем Востоке¹⁶, и это можно назвать ее «преимуществом»¹⁷.

¹⁵ Есть основания полагать, что в VIII в. Япония и Ближний Восток вели торговлю по Шелковому пути – в частности в японском городе Нара, тогда «конечным пунктом» на востоке торгового пути, были найдены свидетельства культурного взаимообмена (так, в сокровищнице Сёсин до сих пор хранятся раритеты из Персии и Афганистана). Источник: Управление Императорского двора Японии.

¹⁶ На Ближнем Востоке существовали различные колонии, мандатные территории и протектораты, управляемые европейскими державами. После распада Османской империи бывшие ее территории были разделены между Великобританией (Палестина, Трансиордания, Ирак, Кувейт) и Францией (Сирия, Ливан). Кроме того, под британским контролем до 1960–1970-х гг. находились Египет, Судан и Персидский залив (Оман, Бахрейн, Катар, ОАЭ).

¹⁷ Boer J., de. Before oil: Japan and the question of Israel/Palestine, 1917–1956 // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2006. URL: <https://apjif.org/-John-de-Boer/2159/article.html> (дата обращения 19.03.2023).

В послевоенный период Япония, войдя в орбиту влияния США и достигнув экономического подъема, начала воспринимать себя как часть развитого и либерального Запада. В то же время страна в этот период больше внимания старалась уделять своим азиатским соседям, поэтому в отношении Ближнего Востока активной политики не проводила.

В 1973 г. грянул первый «нефтяной кризис» – государства-нефтеэкспортеры сократили объемы добычи нефти и ограничили поставки в страны, которые оказывали поддержку Израилю в войне Судного дня, в том числе Японию. Страна столкнулась с системным кризисом: набирала обороты инфляция («взбесившиеся цены» 狂乱物価 <кё:ранбукка> в интерпретации тогдашнего министра финансов Т. Фукуда), в сложном положении оказалась тяжелая промышленность. Осознав угрозу своей энергетической и, соответственно, экономической безопасности, Япония с начала 1970-х гг. начала налаживать более тесные связи с арабскими государствами региона под лозунгом «ресурсной» дипломатии.

Таким образом, данный «шок» определил политико-стратегическую направленность ближневосточной политики Японии и придал ей относительно проарабский (и происламский) характер, отдалив от США.

Стоит отметить, что американская ближневосточная внешняя политика в определенной мере зависима от фактора американо-израильских отношений, которые развиваются активно с 60-х гг. XX в. на базе общих стратегических интересов [Истомин 2014, с. 186]. Именно выбор в пользу Израиля во время Первого нефтяного кризиса «оттолкнул» Токио от Вашингтона. Тогда во время встречи с госсекретарем США Г. Киссинджером премьер-министр Японии К. Танака обратился с просьбой к США покрыть дефицит энергоресурсов, на что получил отказ [Iokibe, Minohara 2017, p. 178].

При этом параллельно у США есть исторические союзники на арабском Востоке – например Саудовская Аравия, Турция, Египет, Иордания. Столкновение интересов делает американскую политику в регионе непоследовательной, приводит к конфликтам (как с Ираном, Сирией, Ираком), а также в целом ухудшает имидж американцев в арабских странах.

Стоит заметить, администрация президента США Д. Трампа предприняла попытку переломить эту тенденцию: в сентябре 2020 г. были заключены Авраамские соглашения, положившие начало нормализации отношений Израиля с арабскими странами. Однако договоренности, как и ожидалось, не приблизили разре-

шение палестинского вопроса, который по-прежнему довлеет над всем миром¹⁸.

Впрочем, как и США, Япония в своей ближневосточной политике вынуждена искать баланс – одновременно как союзник Вашингтона и как страна, отказавшаяся от ведения войны. В первом случае это связано с уже упомянутой политической дилеммой, а во втором – с ограниченностью доступного Токио инструментария для выстраивания связей в турбулентном регионе. Несмотря на то, что доступ к энергоресурсам имеет критическую важность для энергетической безопасности Японии, возможность установления патрон-клиентских отношений со странами региона (по аналогии с американским подходом) ею даже не рассматривалась. Приоритетным и практически единственным методом взаимодействия для страны оставался экономический – ожидалось, что финансовая помощь и инвестиции смогут обеспечить дружественные и взаимозависимые отношения со странами-нефтеэкспортерами, а также помогут в достижении политико-стратегических целей, в частности минимизации региональной нестабильности, которая могла бы поставить под угрозу доступ к энергоресурсам.

Впрочем, искать баланс куда сложнее, чем отдавать предпочтение одному направлению – так, независимая дипломатия в отношении Ирана (独自外交 <докудзи гайко:>) стала настоящим испытанием. До Исламской революции 1979 г. Иран занимал одно из ведущих мест по добыче нефти, а для Японии это был шанс диверсифицировать поставки из стран Персидского залива, «настроенных» которых зависят от динамики арабо-израильского конфликта. В первой половине 1970-х гг. доля Ирана в японском импорте нефти составляла до 40%¹⁹. В 1973 г. на юге Ирана был запущен проект строительства нефтехимического завода (Iran-Japan Petrochemical Company, IJPC), не имеющий аналогов в мире. Проект выдержал ряд испытаний – политических (непосредственно Исламская революция в Иране 1979 г. и давление со стороны США на фоне кризиса с американскими заложниками в посольстве в Тегеране) и

¹⁸ *Feierstein G., Guzansky Y.* Two years on, what is the state of the Abraham Accords // Middle East Institute. September 14, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/two-years-what-state-abraham-accords> (дата обращения 26.07.2024).

¹⁹ 原油の輸入量と中東依存度の推移. エネルギー白書2023 [Динамика объемов импорта нефти и зависимости от Ближнего Востока. Белая книга по энергетике 2023] // Министерство экономики, торговли и промышленности Японии. URL: <https://www.enecho.meti.go.jp/about/whitepaper/2023/html/2-1-3.html> (дата обращения 07.03.2025).

даже военных (ирано-иракская война 1980–1988 гг.). Несмотря на то что к концу 1980-х гг. под проектом ИРС подвели черту, он стал символом не только японо-иранских отношений, но и независимой политики Японии в целом [Epaуat 1994, pp. 395–398].

После уроков кризиса в Персидском заливе 1990–1991 гг., когда освобожденным Кувейтом был фактически проигнорирован вклад Японии²⁰, Токио обращает внимание на военный инструментарий – что является, по сути, радикальной сменой подхода – и японские Силы самообороны принимают косвенное участие в операциях США в Афганистане (2001 г.) и Ираке (2003–2006 гг.). Таким образом, именно происходящие на Ближнем Востоке события стали тем импульсом, заставившим Японию постепенно пересматривать не только свою внешнюю, но и оборонную политику в целом. Безусловно, большую роль сыграло *зайацу* со стороны США, для которых хотелось быть «благонадежным союзником».

В настоящее время меняется внутри не только Япония, но и ее партнеры в регионе. Так, Саудовская Аравия и ранее выражала заинтересованность в японских технологиях во всех сферах энергетического сектора (японо-саудовская Международная компания по производству метанола (ИМС) и т. д.), теперь же Япония принимает участие в саудовском проекте «Видение 2030» («Совместное видение Японии и Саудовской Аравии 2030») по диверсификации экономики²¹, а также работает над «превращением нефтедобывающих стран Ближнего Востока в глобальный центр зеленой энергетики»²².

Впрочем, как уже было отмечено, очень многое зависит от внутривосточных импульсов, а также желания (и возможностей) японских лидеров «продать» ближневосточный вектор в своей

²⁰ В феврале 1991 г. в ходе финальной операции «Сабля пустыни» многонациональные силы во главе с США освободили Кувейт. 11 марта посольство Кувейта в США опубликовало обращение в ведущих американских изданиях с целью выразить благодарность Соединенным Штатам и другим участникам международной коалиции за помощь в освобождении. При этом Япония, профинансировавшая на 20% (13 млрд долл.) операции коалиционных сил «Щит пустыни» и «Буря в пустыне», упомянута не была.

²¹ Compass of new partnership. Saudi Japan Vision 2030 // MOFA Japan. March, 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000237093.pdf> (дата обращения 04.01.2025).

²² Joint Statement on KSA-Japan Lighthouse Initiative for Clean Energy Cooperation // METI Japan. July 17, 2023. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2023/0717_001.html (дата обращения 17.09.2023).

внешней политике при наличии пространства для манёвра. Как отмечает Ю. Мияги, в среде японской бюрократии есть расхождения по поводу приоритетов страны в отношениях с Ближним Востоком: в то время как МИД исходит проектом из союза с США как фундаментального направления внешней политики, Министерство экономики настаивает на независимой позиции страны в вопросах энергетики. Впрочем, централизация власти в руках премьер-министра и его кабинета отчасти решила эти «разногласия» и, по сути, способствовала современной активизации политики страны в регионе параллельно с возможностью оперативного реагирования на кризисы [Miyagi 2012, p. 294–295], как уже было продемонстрировано в примере с Д. Коидзуми.

Таким образом, политику Японии на Ближнем Востоке можно разделить на следующие этапы.

Первый этап, с 1967 г. и до «нефтяного шока» 1973 г., когда Япония в рамках ООН выступала за разрешение арабо-израильского конфликта, настаивая на устранении палестинской проблемы (а именно признание их права на самоопределение)²³. Однако влияние на японскую внешнюю политику ближневосточный конфликт впервые оказал в мае 1972 г., когда леворадикальная организация *Нихонсэкигун* («Красная армия Японии») совершила террористическую атаку на аэропорт Тель-Авива. За эту атаку японское правительство приносило извинение сначала Израилю, а впоследствии – и арабским странам. Параллельно растёт и зависимость Японии от импорта нефти с Ближнего Востока: в 1960 г. ее доля составляла 38%, в 1973 г. уже 78% [Oshima, Suzuki, Matsuno 1982, p. 87].

Второй этап, после нефтяного шока 1973 г. и до конца 1980-х гг., ознаменовал переход Японии на более активный и независимый вектор внешней политики, в том числе и на Ближнем Востоке. В ходе нефтяного кризиса Токио не удалось добиться от Вашингтона гарантий по замещению поставок, и он выразил поддержку арабским странам в войне. Стоит заметить, что дефициту доверия между союзниками ранее поспособствовали «шоки» президента США

²³ Резолюция от 22 ноября 1967 г. по итогам Шестидневной войны, в которой Совет безопасности ООН потребовал вывода израильских вооруженных сил с территорий, занятых во время конфликта; Резолюция от 4 ноября 1970 г., в которой признавалось, что уважение прав палестинцев является неотъемлемым элементом установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке; Резолюции от 6 декабря 1971 г. и 13 декабря 1972 г., где было отмечено, что народ Палестины имеет право на равные права и самоопределение.

Р. Никсона в начале 1970-х гг. Впоследствии этот же опыт побудил японских политиков в 1981 г. признать Организацию Освобождения палестины (ООП) и установить двусторонние контакты на уровне премьер-министров [Özçelik 2008, p. 133].

Япония также осознала недостатки ограниченного взаимодействия со странами региона. В 1974 г. был учрежден Японский институт экономики Ближнего Востока (JIME), нацеленный на изучение и углубление понимания политической и социально-экономической жизни стран региона. Кроме того, в борьбе с «асимметричной взаимозависимостью», Токио увеличил инвестиции, а также объем Официальной помощи развитию (ОПР) странам региона (только с 1970 по 1975 г. их доля в общем объеме помощи выросла с 3,6 до 10,6%)²⁴. Крупнейшим японским вложением не только на Ближнем Востоке, но и в мире в целом, стал проект строительства нефтехимического комплекса в ИРПС в Иране. Однако Исламская революция 1979 г. и дальнейшая эскалация ирано-американских отношений показали, что в острые моменты Токио вынужден следовать американским интересам [Allan, Sugihara 2005, p. 85].

Третий этап, с кризиса в Персидском заливе 1990–1991 гг. и до 2006 г., когда японский военный контингент завершил свою миссию в Ираке в рамках развернутой США и союзниками в 2003 г. военной операции. Так, в ходе кризиса в Заливе, ставшего для Японии «дипломатическим поражением», страна осознала недостатки дипломатии «чековой книжки», а также необходимость активной политической роли в международных делах. Другим краеугольным камнем японской политики в регионе стала борьба с терроризмом на фоне событий 9/11²⁵ – это привело к радикальным мерам политики Токио в области безопасности, так как было снято ограничение на участие Сил самообороны страны в миссиях ООН по поддержанию мира. В 2001 г. японские военнослужащие оказывали тыловую поддержку коалиционным войскам в Афганистане, а в 2003 г. – в нестабильном Ираке.

Четвертый этап, начавшийся с приходом первого кабинета премьер-министра С. Абэ в 2006 г. и выработкой новой внешнеполитической стратегии по отношению к Ближнему Востоку на основе создания в регионе, как это сформулировал глава японского МИД Т. Асо, «дуги свободы и процветания» за счет экономических

²⁴ Данные МИД Японии, опубликованные в 2004 г.

²⁵ Chapter 2. Sectoral analysis of the international situation and Japan's foreign policy. 1: Terrorism. 1997 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1998/II-c.html> (дата обращения 31.07.2023).

и дипломатических усилий Японии. Кроме того, С. Абэ продолжил курс своего предшественника на посту Д. Коидзуми на пересмотр пацифистской конституции и дальнейшего расширения сферы применения Сил самообороны Японии за пределами страны. Кульминационным моментом обозначенного периода можно считать 2015 г., когда С. Абэ было объявлено о новой ближневосточной политике, чему предшествовало беспрецедентное количество визитов в страны региона. В дальнейшем Японии, среди прочего, удастся вывести на новый уровень сотрудничество с Саудовской Аравией (решение об участии страны в проекте Королевства «Видение: 2030», 2017 г.), сыграть посредническую роль между Ираном и США²⁶ (2019 г.), а также укрепить технологическое партнерство с рядом стран региона в сфере зеленой энергетики²⁷.

Также можно выделить *пятый этап*, оформившейся с принятием в 2020 г. «Зеленой стратегии роста», которая подразумевала достижение Японии углеродной нейтральности к 2050 г. Японская инициатива стала частью общего тренда на декарбонизацию (энергетический переход), к которому подключились ряд стран Залива (ОАЭ, КСА, Египет). В то же время мир переживал последствия пандемии, которая уже в краткосрочной перспективе оказала влияние на энергетический рынок.

Кроме того, 7 октября 2023 г. произошла эскалация палестино-израильского конфликта, и на сегодняшний день конфликт расширился, затронув Иран, Ливан и Сирию, однако его влияние, в том числе на энергетические рынки, еще предстоит оценить. Япония оказывает гуманитарную помощь вовлеченным странам и продвигает мирные инициативы в регионе, в том числе на международных площадках²⁸.

В это же время на Ближнем Востоке нарастает тенденция японо-китайского соперничества – так, инициативе Пекина «Пояс и путь» Токио противопоставляет концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

²⁶ Information gathering activities by the SDF in the Middle East // Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_architecture/m_east/index.html (дата обращения 10.12.2024).

²⁷ 中東訪問等についての内外記者会見 [Пресс-конференция премьер-министра по итогам ближневосточного турне]. 18.07.2023. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/statement/2023/0718kaiken.html (дата обращения 10.12.2024).

²⁸ Situation in the Gaza Strip // MOFA Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/me_a/me1/palestine/page22e_000472.html (дата обращения 16.01.2025).

Выводы

С подписанием Сан-Францисского мирного договора 1951 г. Япония стала полноценным субъектом международных отношений. Одновременно был заключен альянс с Соединенными Штатами, который заложил основу внешней политики послевоенной Японии, которая так или иначе теперь вынуждена была действовать с оглядкой на Вашингтон.

Тем не менее не все было детерминировано давлением со стороны союзника или *гайацу*. Союз с США был для Японии возможностью восстановления и последующего наращивания экономического могущества, в то время как безопасность (этот вопрос, надо сказать, в годы холодной войны стоял достаточно остро) «обеспечивала» ядерная держава. Параллельно Япония могла продвигать аполитичную, пацифистскую и антиядерную риторику, опираясь на свои конституционные ограничения, улучшая тем самым свое реноме.

Благодаря «экономическому чуду» у Токио появились «мирные» инструменты влияния – в частности Официальная помощь развитию (ОПР), в предоставлении которой страна вскоре стала абсолютным лидером.

Безусловно, в выборе других внешнеполитических ориентиров Япония во многом опиралась на США и открыто считала себя частью «западного мира». В случае с Ближним Востоком Япония позиционировала себя одновременно как страна Востока и «проводник западных ценностей». Это также отражает общую направленность японской политики в регионе: поиск баланса между своими экономическими (энергетическими) интересами, диктуемыми сырьевой зависимостью, а также политическими, обусловленные следованием линии США в регионе.

При этом любая внешняя политика является отражением внутренних процессов, связанных с принятием решений. Сложная системная конъюнктура, оформившаяся вместе с приходом к власти Либерально-демократической партии Японии (но в том или ином виде существовавшая и до нее, как часть исторической политической культуры), была как сильной стороной Японии, так и ее слабостью. С одной стороны – это стабильность и предсказуемость, с другой – это вечная борьба интересов и господство неформальных «правил игры». Более того, отсутствие сильного объединяющего звена (каким, по идее, должен быть премьер-министр и его администрация) внешняя политика становится «неповоротливой».

Литература

- Истомин 2014 – *Истомин И.А.* Влияние религиозных групп на международную деятельность государства // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 1 (34). С. 184–191.
- Кавабэ 2002 – 河辺 一郎. 日本外交と外務省一問われなかった“聖域” [Кавабэ И. Японская дипломатия и Министерство иностранных дел: «святылище», которое никогда не подвергалось сомнению]. 高文研, [Токио: Ко:бункэн] 2002. 256 p.
- Наканиси 2003 – 中西 寛. 敗戦国の外交戦略—吉田茂の外交とその継承者 [Наканиси Х. Дипломатическая стратегия побежденной нации – дипломатия Сигэру Ёсида и его преемников] // 防衛研究所 [Институт оборонных исследований Японии], 2003. P. 124–126. URL: http://www.nids.mod.go.jp/event/proceedings/forum/pdf/2003/forum_j2003_09.pdf (дата обращения 03.08.2024).
- Стрельцов 2010 – *Стрельцов Д.В.* Внешнеполитический процесс в современной Японии // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 245–256.
- Ahn 1998 – *Ahn C.S.* Interministry coordination in Japan's foreign policy making // Pacific Affairs. 1998. Vol. 71. No. 1. P. 41–60.
- Allan, Sugihara 2005 – Japan and the contemporary Middle East / ed. by J.A. Allan, K. Sugihara. L.: Routledge, 2005. 208 p.
- Enayat 1994 – *Enayat S.E.* Japan, Iran and the oil business: a case study of the Iran Japan petrochemical company. Thesis of Dissertation. University of Stirling, 1994. 601 p.
- Haag-Higuchi 1996 – *Haag-Higuchi R.* A topos and its dissolution: Japan in some 20th-century Iranian texts // Iranian Studies. 1996. Vol. 29. No. 1/2. P. 71–83.
- Hoshiro 2022 – *Hoshiro H.* Deconstructing the “Yoshida Doctrine” // Japanese Journal of Political Science. 2022. Vol. 23. No. 2. P. 105–128.
- Miyagi 2012 – *Miyagi Y.* Japan's Middle East policy: 'still mercantile realism' // International Relations of the Asia-Pacific. 2012. Vol. 12. No. 2. P. 287–315.
- Oshima, Suzuki, Matsuno 1982 – *Oshima K., Matsuno T., Suzuki T.* Energy issues and policies in Japan // Annual Review of Environment and Resources. 1982. Vol. 7. P. 87–108.
- Özçelik 2008 – *Özçelik S.* The Japanese foreign policy of the Middle East between 1904–1998: Resource, trade and aid diplomacy // Humanity & Social Sciences Journal. 2008. Vol. 3. No. 2. P. 129–142.
- Schmidt 2005 – *Schmidt C.* Japan's circle of power: legitimacy and integration of a national elite // Asien. 2005. No. 96. P. 46–67.
- Sinha 1974 – *Sinha R.P.* Japan and the oil crisis // The World Today. 1974. Vol. 30. No. 8. P. 335–344.
- Sugihara 1993 – Japan in the contemporary Middle East / ed. by K. Sugihara et al. L.: Psychology Press, 1993. 208 p.
- Togo 2005 – *Togo K.* Japan's foreign policy: 1945–2003: The quest for a proactive policy. Leiden; Boston: Brill, 2005. 486 p.

- Worringer 2004 – Worringer R. “Sick man of Europe” or “Japan of the Near East”? Constructing Ottoman modernity in the Hamidian and Young Turk eras // *International Journal of Middle East Studies*. 2004. Vol. 36. No. 2. P. 207–230.
- Zakowski, Bochorodycz, Socha 2018 – *Żakowski K., Bochorodycz B., Socha M.* Japan’s foreign policy making: Central government reforms, decision-making processes, and diplomacy. Cham: Springer, 2018. 256 p.

References

- Ahn, C.S. (1998), “Interministry coordination in Japan’s foreign policy making”, *Pacific Affairs*, vol. 71, no. 1, pp. 41–60.
- Allan, J.A. and Sugihara, K., eds. (2005), *Japan and the contemporary Middle East*, Routledge, London, UK.
- Enayat, S.E. (1994), *Japan, Iran and the oil business: A case study of the Iran-Japan petrochemical company*, Thesis or Dissertation, University of Stirling, UK.
- Haag-Higuchi, R. (1996), “A topos and its dissolution: Japan in some 20th – century Iranian texts”, *Iranian Studies*, vol. 29, no. 1/2, pp. 71–83.
- Hoshiro, H. (2022), “Deconstructing the ‘Yoshida Doctrine’”, *Japanese Journal of Political Science*, vol. 23, no. 2, pp. 105–128.
- Istomin, I.A. (2014), “Religious groups and their influence on interstate relations (The case of U.S.-Israel relations)”, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 3, no. 1, pp. 184–191.
- Kawabe, I. (2002), 河辺 一郎. 日本外交と外務省一問われなかった “聖域 [Japanese diplomacy and the Ministry of Foreign Affairs: a “shrine” that has never been questioned], Kōbunken, Tokyo, Japan.
- Miyagi, Y. (2012), “Japan’s Middle East policy: ‘Still Mercantile Realism’”, *International Relations of the Asia-Pacific*, vol. 12, no. 2, pp. 287–315.
- Nakanishi, H. (2003), “敗戦国の外交戦略—吉田茂の外交とその継承者” [Diplomatic strategy of a defeated nation: Diplomacy of Shigeru Yoshida and his successors], in *The National Institute for Defense Studies*, pp. 124–126, available at: http://www.nids.mod.go.jp/event/proceedings/forum/pdf/2003/forum_j2003_09.pdf (Accessed 3 Aug. 2024).
- Oshima, K., Matsuno, T., and Suzuki, T. (1982), “Energy issues and policies in Japan”, *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 7, pp. 87–108.
- Özçelik, S. (2008). “The Japanese foreign policy of the Middle East between 1904–1998: Resource, trade and aid diplomacy”, *Humanity & Social Sciences Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 129–142.
- Schmidt, C. (2005), “Japan’s circle of power: legitimacy and integration of a national elite”, *Asien*, no. 96, pp. 46–67.
- Sinha, R.P. (1974), “Japan and the oil crisis”, *The World Today*, vol. 30, no. 8, pp. 335–344.
- Streltsov, D.V. (2010), “Foreign policy process in contemporary Japan”, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 10, no. 1, pp. 245–256.

- Sugihara, K., ed. (1993), *Japan in the contemporary Middle East*, Psychology Press, London, UK.
- Togo, K. (2005). *Japan's foreign policy, 1945–2003: The quest for a proactive policy*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Worrington, R. (2004), “ ‘Sick man of Europe’ or ‘Japan of the Near East’?: Constructing Ottoman modernity in the Hamidian and Young Turk eras”, *International Journal of Middle East Studies*, vol. 36, no. 2, pp. 207–230.
- Żakowski, K., Bochorodycz, B. and Socha, M. (2018), *Japan's foreign policy making: Central government reforms, decision-making processes, and Diplomacy*, Springer, Cham, Switzerland.

Информация об авторе

Анна С. Бушueva, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; bushueva.a.s@my.mgimo.ru

Information about the author

Anna S. Bushueva, postgraduate student, MGIMO University, Moscow, Russia; 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; bushueva.a.s@my.mgimo.ru